

ОБ ОДНОЙ СТАРОЙ РУССКОЙ СКАЗКЕ

В 1958 году опубликовал Д. М. Молдавский собрание русских сказок под названием „Русская сатирическая сказка“ в „Государственном издательстве художественной литературы“ в Москве. Под номером 12, страница 103—107, опубликована в этом томе сказка „Барма“; в примечании на странице 374 находится ссылка на собрание Ончукова № 160, и на вариант Афанасьева под номером 390. Разрешите мне познакомить Вас прежде всего с русским текстом этой сказки, потому что книги, где сказка находится, не везде доступны.

Барма

Жили два брата в одной деревне, каждый жил в своем доме: у бедного было много детей, а у богатого не было ни одного. Долго просил богатый у бедного одного мальчика к себе сыном, но бедный не соглашался: он подозревал, что богатый брат занимается воровством, но, наконец, согласился. Держал дядя племянника, как родного сына: брал его с собой и в город и в деревни, и частенько они ездили.

Лет до пятнадцати мальчик ничего не делал по хозяйству, только бороться к этому времени так научился да изловчился, что никто в деревне с ним не мог устоять в борьбе; взрослых и сильных мужиков ронял, да свистел так сильно, что уши глушил.

А за то, что он был мастер бороться, его и прозвали Бармой. Вот подрос еще Барма и однажды пошел на охоту, птиц стрелять. Идет он лесом близ дороги и видит — по дороге мужик барана гонит в город на продажу. Он забежал лесом вперед, снял с ноги сапог и бросил на дорогу, а сам скрылся в лес и ждал.

Подожел мужик, поднял сапог, посмотрел, и спрятал близ дороги в мох, и погнал барана дальше. Пропустил Барма мужика и взял сапог. Забежал Барма лесом опять вперед, снял сапог с другой ноги и бросил на дорогу, а сам скрылся и ждет. Подошел мужик с бараном, поднял сапог, посмотрел-посмотрел и спрятал, потом привязал барана к дереву, нарвал травы и воротился назад.

„Удалось, — думает Барма, — пошел за сапогом, чтобы пара была“. Подошел к барану, отрубил голову топором, поднял барана на плечи, взял сапог — и в лес. Ночью пришел домой и барана принес. Увидел дядя, с чем пришел племянник с охоты, и спрашивает:

— Как это ты достал?

Племянник рассказав про свою ловкость.

— Славно, — говорит дядя, — я хорош, а ты еще лучше, можно теперь тебя на промысел брать!

Посоветовались дядя с племянником, куда бы им съездить, и племянник настоял на том, чтобы ехать воровать к царю.

— К царю, — говорит племянник, — никто не смеет идти воровать, а потому там и не подумают, что воры пришли; народу во дворце много, думают, что слуги что-нибудь делают; просто во дворце мы как хозяева будем — делай что хочешь!

— Пожалуй, и верно! — говорит дядя.

Запрягли лошадей и поехали. Приехали в город и пошли к дворцу, племянник пособил дяде влезть на балкон, а потом дядя подтащил за руки племянника, и вот они на балконе; с балкона дверь в большую комнату открыта. Вошли туда; видит Барма, что тут только и можно взять царскую шубу и шляпу. Указала племянник дяде на шубу и шляпу, дядя кивнул головой, и племянник взял вещи, и вышли на балкон. Дядя вдруг и говорит:

— Я эту шубу перешью и буду щеголять.

— Нет, — говорит племянник, — я их взял и вынес, мне и носить!

Засторжили, и племянник предложил сходить к царю и спросить про то дело.

— Я, дядя, один схожу, а ты слушай, как я говорить с царем буду. А как свистну, ты и беги на балкон, хватай шубу и задавай лататы в левую руку, а я в правую, а там сойдемся!

Зашли снова в комнату, открыли одну дверь из комнаты в другую — там пусто; подошли к другой двери, слышат — похрапывает кто-то; открыл племянник дверь, видит — в кресле человек спит и похрапывает, а на кровати спит царь. Барма догадался, что это сказывальщик храпит, подкрался к нему, зажал рот рукой, поднял с кресла и передал дяде, а дядя уже наготове. Платком рот заткнули. Дядя поддерживает сказывальщика, а Барма сел на его место и сидит. Скоро проснулся царь.

— Скажу, — говорит царь.

— Жили дядя да племянник, — начинает сказывальщик, — пошли они к царю воровать, племянник воровал, а дядя глядел. Украл у царя шубу и шляпу. Кому из них носить, ваше императорское величество: дяде или племяннику?

— Понятно, кто воровал, тому и носить!

— Ну, вот слышишь, дядя, — говорит племянник, да как свистнет!

Царь испугался, не слышит ничего, посмотрел — и сказывальщика не видит, а воров уж и след простыл. Царь приказал поймать вора, а где во дворец можно пройти, на ночь ставить капканы и всякие ловушки.

Дяде досадно стало, что у племянника такая шуба; стал он сбивать племянника опята идти воровать к царю.

— Я знаю, что мне лучше тебя удастся, — не первый раз!

Племянник предостерегал, но не мог уговорить дядю. Вот поехали опять, приходят к дворцу, племянник пособил дяде влезть на балкон, и дядя ушел. Через несколько времени дядя вышел на балкон и бросил племяннику мундир, но вдруг над балконом под зонтом повлилась кружом балкона редкая железная решетка: дядя полез в отверстие, но когда навалился телом на железную полосу, она опустилась ниже, и эмие все перекладинки сузились, и дядю прижало поперек тела; племянник убежал а дядя и остался висеть в решетке.

Царь приказал тело вора положить в часовню и без своего приказанья не хоронить, а кто придет да будет плакать, того ловить.

Положили тело в часовню, а на третий день Барма одел царский мундир и шляпу, пришел в часовню и приказал караульным при себе зарыть в землю тело вора и ушел. Царь еще сильнее озлился на вора и приказал поймать во что бы то ни стало, а полагая, что вор уж непременно придет воровать золото, приказал по одной улице насыпать золота, и кто будет наклоняться над золотом, тех всех ловить.

Узнал Барма, что золото будет рассыпано, и порешил ехать на коне воровать золото, взял на дровни смолы в бочонке, намазал сапоги смолой, едет по золоту, а ногами топтывает; золото пристаает к сапогам; спизнет с ног золото в мешок и опять едет. Много украл золота.

Наутро царю донесли, что никто не наклонялся, а золота много украдено.

Царь приказал казнить караульных, а вору, если он смеет прийти к нему, царь обещал, что дарует ему жизнь и не казнит, а если вор не придет, то будет разыскан и предан лютой казни.

Когда это было объявлено, Барма порешил к царю идти.

Приходит Барма и просит доложить царю. Царь приказал привести.

— Как тебя зовут?

— Барма, ваше императорское величество!

— Ты вор?

— Я.

— Ты шубу украл?

— Я.
— Ты золото воровал?
— Я.
— Такого нужно наказать; пощажу тебе жизнь, не велю казнить, но заключу тебя в крепость!

И приказал Барму отвезти в крепость.

Отвезли Барму в крепость. А крепость — только и было, что один дом небольшой каменный, а кругом дома высокая каменная толстая стена, на дворе бегала коза, да кривой старинный богатырь служил сторожем.

На дворе столб стоит.

Впустили Барму на двор и ворота затворили крепко-накрепко.

Проспал Барма ночь, а наутро все осмотрел и видит, что выйти ему из крепости невозможно.

Подумал-подумал Барма и стал к сторожу ласкаться и его силу хвалить.

А живут так: утром сторож затопит печку и уходит на двор с козой играть; как только побежит, а коза ему навстречу, подбежит, хочет бодать рогами, а сторож ее захватит за рога и повернет обратно; коза пробежит немного и опять ему навстречу. А Барма у печки работает, из свинца пули льет. Вот однажды затопил печку, а Барма и говорит:

— Мне бы хотелось твою силу попробовать, можешь ли ты эту веревку перервать?

— А вот привяжи меня к столбу и увидишь.

Барма взял веревку и опутал богатыря веревками к столбу; рвал-рвал богатырь, и вырвать не может, и говорит:

— Нет, верно, прежней силы, устарел, развязывай веревки!

Да где тут развязать, когда узлы в турий рог затянул, нужно рубить!

Пошел Барма в дом, растопил полную поварешку свинцу, прибежал да в адоровый глаз и плегнул свинец.

Заревел богатырь, рванулся изо всей силы, сорвал веревки и начинает по двору бегать; бегаёт и кричит:

— Барма, ты где?

— Я здесь, — отвечает Барма.

А коза забегает навстречу богатырю, богатырь через козу падает, а Барма за козой бегаёт, за шерсть козы рукой держится. Накучила богатырю коза, хочет Барму поймать, а коза всякий раз в руки попадает.

Озлился богатырь, и вот, когда коза еще в руки сунулась, он схватил ее за рога и бросил на стену, а Барма ухватился руками за козу и тоже с козой на стену был выброшен. Бросив козу, богатырь спрашивает:

— Барма, ты где?

— Спасибо, товарищ, лихо не помни, я уж на большой дорожке, прощай!

Так и ушел Барма, но только воровать перестал и живет да доживает.

В своих примечаниях издатель показывает, что эта сказка — одна из наиболее старых сказок русского репертуара, и в доказательство этого приводит прежде всего то, что тело мертвеца должно быть, по тексту сказки, похоронено и оплакано. Обряд обязательного оплакивания мертвеца за-свидетельствован произведениями средневековой русской литературы, и в народе держится этот обычай до сих пор, как подтверждает по автору М. К. Азадовский в книге „Ленские причитания“, Чита 1902, на странице 23. Даже и вор в нашей сказке сохраняет убеждение в необходимости плача над гробом.

Второе представление, которое относится к далекому прошлому и отражается в этой сказке, — по Молдавскому то, что тело мертвеца должно быть похоронено в целости. В поддержание этой мысли издатель приводит примеры из сказок, например о медведе, который приходит в дом человека за своей отрубленной лапой. Самое страшное наказание — это отказ в похоронах, как издатель опять доказывает примерами из других сказок.

Нет сомнения, что эти примечания, которые относятся к нашей сказке, правильны, но они далеко не полны. В новом издании классического

собрания русских сказок А. П. Афанасьева „Народные русские сказки“, которое подготовил В. И. А. Пропп в 3 томах в том же издательстве в Москве 1957 г., издатель Молдавский нашел бы на стр. 431 под номером 390 примечание, которое касается известной во всем мире сказки о ловком воре, успевшем украсть и царскую казну. Самый старый текст этой сказки находится во второй книге, в главе 121, греческого историка Геродота, где находится известный рассказ о сокровище фараона Рампсинита и о лукавом воре, который в конце концов добился брака дочерью фараона. Сходство первой части нашей сказки с рассказом Геродота очевидно.

Рассказ Геродота не без аналогии. В произведении Павсания находится рассказ о Трофонии и Агамеде, который локализован не в Египет, а в Грецию, именно в Гирию. (Павсаний IX 37,4 сл.) Возникает вопрос, происходит ли этот рассказ из Египета или был ли он первоначально греческий и был в Египет перенесен. В рассказе Геродота было определенно сказано, что казна Рампсинита была помещена в дворце так, что одна стена была доступна снаружи.

Павсаний в своем рассказе никак не ссылается на Геродота. В скромных условиях местного греческого короля понятно, что казна была доступна снаружи. Писатель не испытывал никакой необходимости подчеркнуть это обстоятельство. Поэтому я бы согласился с теми исследователями, которые относят возникновение этого рассказа в Грецию и утверждают, что затем этот рассказ перенесен из Греции в Египет.

Тоже после Павсания появляется этот рассказ опять, и можно следить за ним вплоть до византийской эпохи. Следовательно, не нужно выводить мотив кражи во дворце со всем, что следует, из Геродота; может быть, что мотив заимствовали и обработали гораздо позднее.

Но тем самым анализ сказки еще не исчерпан. Во второй части речь идет об аресте вора и о его заключении в крепости. И здесь издатель Молдавский нашел бы в произведении Оскара Гакманна, которое было принято философским факультетом университета в г. Хельсинки в 1904 году как академический трактат с заглавием „Die Polyphemsage in der Volksueberlieferung“ (издано в г. Хельсинки в издательстве Franckellska Tryckeri — Aktiebolaget), на стр. 58 сл. под номером 60 сл. и дальше среди кавказских вариантов на стр. 94 под номером 110 сл. разные аналогии, которые ясно свидетельствуют о связи этого мотива с мотивом рассказа об Одиссее в пещере Полифема из девятой главы Одиссеи, стих 177 сл.

Тюрьма, в которой вор в русской сказке должен отбыть наказание, очень странная. Это небольшой каменный дом, вокруг высокая каменная мощная крепостная стена, во дворе бегают коза и одинокий сторож-богатырь, старый и кривой. Бегство из крепости кажется невозможным. Но Барма воспользуется привычкой сторожа играть с козой. Когда коза бежит навстречу сторожу и готовится пободать сторожа рогами, сторож хватается козу за рога и бросает ее, но коза опять бежит против него. Барма прежде всего ослепляет лукавого сторожа, привязав его к столбу. Когда коза начинает опять нападать на сторожа, тогда ослепленный сторож теряет терпение, хватается козу за рога и бросает ее таким способом, что она перелетает стену и с Вармой, который придержался за ее шерсть. Очевидно, это только переработка бегства Одиссея из пещеры Полифема, потому что каменная крепость с одним заключенным, с одиноким сторожем и одинокой козой, — это что-то настолько странное, что эти странности нельзя объяснить

иначе, чем приспособлением первоначальной формы мотива к положению в этой сказке.

Итак, мы установили в этой сказке не меньше чем три мотива очень давнего происхождения, имеющие даже отношение к старым греческим сказкам, содержащимся в известных произведениях.

Еще более странные мотивы находятся в аналогичной сказке, герой которой зовется тоже Бармой, но носит прозвище „ярышка-пьяница.“

Эту сказку я хотел бы разобрать в связи с другими вопросами.

Наличие очевидных и только очень поверхностно модифицированных отношений к древнегреческим мотивам в одной русской сказке стоит принять во внимание; оно требует дальнейшего объяснения.

При этом нельзя учитывать только эту одну сказку, а нужно прежде всего установить все аналогичные случаи и попытаться прийти к обобщающему выводу.

P P A H A

ANTONÍN SALAČ

